

УДК 947.072.5

ПЕНЗЕНСКАЯ ЕПАРХИЯ В ЭПОХУ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

© С. В. БЕЛОУСОВ

Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского,

кафедра всеобщей истории, историографии и археологии

e-mail: sergbel_1812@mail.ru

Белоусов С. В. – Пензенская епархия в эпоху Отечественной войны 1812 года // *Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского*. 2012. № 27. С. 492–498. – В статье рассматривается участие православного духовенства Пензенской епархии в Отечественной войне 1812 г., отмечается его роль в формировании общественного мнения и доведении до населения правительственной информации, оценивается вклад священно- и церковнослужителей в пожертвования на Пензенское ополчение и помощь беженцам.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г., Пензенская епархия, духовенство.

Belousov S. V. – *The Penza's eparchy in the Patriotic war of 1812* // *Izv. Penz. gos. pedagog. univ. im. V.G. Belinskogo*. 2012. № 27. P. 492–498. – *The article is devoted to the participation of Penza's eparchy clergy in the Patriotic war of 1812, its role in public opinion formation and how Penza's clergy informed population of governmental data. Also the author estimates the contribution of clergymen in donations for Penza's militia and refugees.*

Keywords: Patriotic War 1812, Penza's eparchy, clergy.

Изучение роли Русской Православной церкви в борьбе России с наполеоновской Францией начинается уже в XIX в. В трудах А. И. Михайловского-Данилевского и М. И. Богдановича, носивших обобщающий характер и описывающих преимущественно ход военных действий, были разработаны основные положения официально-патриотической концепции Отечественной войны 1812 г. [4; 24] Среди них, утверждение об Александре I, являвшемся главным вдохновителем и творцом всех побед русского оружия, тезис о «единении сословий вокруг престола» и руководящей роли дворянства, положение о «всевышнем промысле» и божественном предначертании России одержать победу в борьбе с наполеоновской Францией. С этих позиций авторы пытались определить вклад каждого из сословий российского общества, в т.ч. и духовенства.

Большую роль в критическом переосмыслении официально-патриотической, проправительственной концепции Отечественной войны 1812 г. сыграли исследователи конца XIX – начала XX в. Так, тема взаимоотношения власти и общества в 1812 г. получила освещение в статье В. П. Алексеева «Война, общество и правительство» [1]. Автор полагал, что накануне Отечественной войны внешняя политика Александра I «привела к полному разладу русского правительства с обществом». Однако, по его мнению, война имеет свойство спланивать власть и общество, и правительство делало все возможное «для возбуждения патриотиче-

ского духа в народе». «И надо сказать, – делал вывод В. П. Алексеев, – правительство достигло своего... Оно вызвало широкое и всестороннее участие общества в войне, сделало ее действительно не только народной, но даже, по крайней мере, на первое время, популярной. Народ откликнулся на призыв правительства и пришел ему на помощь». Вместе с тем он считал, что не все граждане обнаружили одинаковое усердие в оказании помощи Отечеству в создавшейся ситуации. В поступках некоторых «выгода нередко перевешивала патриотические чувства». В ряде губерний пожертвования остались в недоимках. Отмечая же роль православного духовенства, В. П. Алексеев полагал, что оно «принесло на алтарь Отечества меньше, чем могло бы» [1, с.150–151].

В работах К. А. Военского, И. М. Студитского и А. И. Никольского также был поднят вопрос о православном духовенстве в Отечественной войне 1812 г. [5; 27; 29] Причем, в отличие от В. П. Алексеева, все указанные авторы отмечали громадную роль и огромные заслуги церкви перед Отечеством и государством.

В трудах советских историков вопрос об отношении духовенства к Отечественной войне 1812 г. практически не поднимался. Находясь на позициях марксизма, они рассматривали данную проблему крайне поверхностно, обычно в контексте военной истории, давая негативную оценку роли православной церкви в «эпоху войны 1812 года». Подобные суждения содержатся и в работе Н. А. Троицкого «1812. Великий

год России», в которой автор ставил перед собой задачу обобщить результаты исследований, достигнутые к середине 80-х гг. XX в., и исправить характерные заблуждения и фактические ошибки советской историографии. Называя труды дореволюционных историков о заслугах церкви перед Отечеством в 1812 г. «хвалебными» и «необъективными», он считает, что духовенство помогло народной войне главным образом «божьем словом» и патриотическими молитвами, и делает весьма резкий вывод о том, что «церковь скомпрометировала себя перед Россией» [31, с. 215–216]. Напротив, точка зрения, высказанная в работах Л. В. Мельниковой, на наш взгляд, несколько идеализирует роль православной церкви в «эпоху войны 1812 года» [22; 23].

Рассмотрим участие православного духовенства в Отечественной войне 1812 г. на примере Пензенской епархии.

16 октября 1799 г. была образована Саратовская епархия. Ее епископом, под названием Саратовского и Пензенского, стал Гайй (Такаов). Местом его пребывания была выбрана Пенза, которая являлась в то время уездным центром Саратовской губернии, так как в Саратове не было подходящего здания. Епископ Гайй занял в Пензе наместнический (губернаторский) дом, получивший с тех пор название архиерейского. Дом остался, что называется «не у дел», после закрытия Пензенского наместничества. В результате центром епархии стал не губернский, а уездный город, где и сосредоточилось управление вновь учрежденной епархией. После возвращения Пензе статуса губернского города изменилось и название епархии. С декабря 1803 г. она стала именоваться Пензенской, а Гайй – епископом Пензенским и Саратовским. В 1812 г. Пензенскую епархию возглавлял епископ Афанасий (Корчанов). В ноябре 1828 г. епархия была разделена на две самостоятельные: Пензенскую и Саратовскую [34, с.5; 18, с.14].

В 1805 г. в Пензенской епархии насчитывалось 1062 церкви (591 в Пензенской и 471 в Саратовской губерниях) [2, с.646]. Более полные сведения содержатся на 1825 г. Тогда в епархии насчитывалось 1242 церкви и собора (707 в Пензенской и 535 в Саратовской губерниях), 7 мужских и 1 женский монастырь. В них служили 1448 протоиереев и священников, 980 протодиаконов и диаконов, 2894 дьячков и пономарей. Кроме того, в мужских монастырях епархии находились 4 архимандрита, 3 строителя, 35 иеромонахов, 17 иеродиаконов и 49 монахов, в женском – 1 игуменья и 16 монахинь [3, с. 670–673].

С мнением Н. А. Троицкого о том, что духовенство в борьбе с Наполеоном в основном использовало «божье слово» и патриотические молитвы, вполне можно согласиться. Обычно необходимая информация по тому или иному вопросу до широких слоев населения доводилась через служителей церкви. Через них же шло и формирование общественного мнения. Важность церковной пропаганды прекрасно осознавал Александр I. Поэтому именно на церковь была возложена обязанность идеологического обоснова-

ния справедливости войны России с наполеоновской Францией.

Еще в 1806 г. при созыве земской милиции император призвал Святейший Синод «предписать всем местам и чинам, ему подвластным, дабы градские и сельские священники в настоящих обстоятельствах... усугубили ревность свою по внушению своим прихожанам, колико ополчение сие для спасения Отечества необходимо». В Объявлении Святейшего Синода, которое зачитывалось во всех приходских храмах вслед за царским указом, война с Наполеоном представлялась священной борьбой против богоотступника, гонителя христианства и поработителя человечества (подробный анализ Объявления Святейшего Синода дан в работе Л. В. Мельниковой) [23, с.45–46].

Эти идеи нашли свое дальнейшее развитие в «эпоху войны 1812 года». В Воззвании Святейшего Синода «ко всем благоверным чадам Российской церкви», последовавшим за высочайшим манифестом от 6 июля 1812 г. о созыве народного ополчения, которое было получено в Пензе 29 июля, подчеркивалась неразрывная связь вражеского нашествия на Россию с Великой Французской буржуазной революцией, когда «ослепленный мечтою вольности народ французский ниспровергнул престол единодержавия и алтари христианские» и, тем самым, заслужил проклятие Божее. Наполеон был назван «властолюбивым, ненасытимым, не хранящим клятв, не уважающим алтарей врагом», «покушавшимся на нашу свободу, угрожавшим домам нашим и храмам Божиим». Война представлялась как «искушение», постигшее Россию, преодолеть которое можно было только с божественной помощью. Церковь призвала прихожан поднять «оружие и щит», с тем, чтобы «охранить веру отцов», а духовенство «вооружить словом истины простые души, открытые нападениям коварства», и благословлять на подвиг тех, кто «возревнует ревностью брани» [25, с.73–75].

Царский манифест о сборе внутреннего ополчения и Воззвание Святейшего Синода рассылались «при указах ко всем епархиальным преосвященным архиереям по числу состоящих в их епархиях церквей». Святейший Синод повелевал архиереям во всех церквях «в первый воскресный или праздничный день» перед началом божественной литургии обнародовать царский манифест, а после отправления молитвы о нашествии супостатов, составленной преосвященным Августином и одобренной Александром I [25, с.40–41], и совершении литургии «прочсть и означенное воззвание». Молитва о победе над супостатом должна была читаться на литургиях ежедневно с коленопреклонением в кафедральном соборе самим архиереем, в лаврах и монастырях – настоятелями, в городских соборах и сельских церквях «протопопом с прочими священно- и церковнослужителями», о чем всех обязывали подписками, которые отсылались при рапортах в консистории [13. Л.93–93об, 96].

Основные положения, изложенные в воззвании Святейшего Синода, нашли отражение в проповедях приходского духовенства, обращенных к народу. В них священники говорили о справедливом и свя-

щенном характере войны, которая велась для защиты Отечества и православной веры, отмечали особую миссию России, которой предназначено Богом остановить завоевания Наполеона и освободить Европу от его господства. Так, протоиерей Краснослободского Троицкого собора Фома Меликов в своей проповеди, произнесенной после принятия манифеста 6 июля 1812 г., при обращении к прихожанам неоднократно использует такие речевые обороты, как «Граждане!» и «Вы плачете, Государь требует ваших детей в службу», взывая тем самым к патриотическим чувствам народа и убеждая его в необходимости создания ополчения. Для более сильного воздействия на слушателей он обращается к примерам из истории, которые показывают величие русского народа, начиная с победы над Мамаем при Дмитрии Донском, патриотизма и жертвенности Кузьмы Минина и князя Пожарского в «смутное время» и заканчивая победами русского оружия при Екатерине Великой [9. Л.8–17].

Таким образом, основной задачей духовенства являлось «вознесение молитв об отражении общей опасности и одолению и истреблению врага, о восстановлении благословенной тишины и спокойствия в недрах отечества». В мемуарах, дневниковых записях и архивных источниках содержатся многочисленные упоминания о ежедневных молебнах «о покорении врага и супостата» и крестных ходах, которые совершало провинциальное духовенство в «эпоху войны 1812 года» [7. Л.2; 9. Л.1–1об, 3–3об, 8–17об, 23–23об; 10. Л.2–2об; 21, с.19–21; 33, с.6–12]. Так, пензенский дворянин П.И.Юматов писал, что в начале войны при отступлении русской армии «в душевном волнении дворяне и народ отправлялись от мала до велика в храмы и здесь с коленопреклонением, изливая слезы, молились о спасении земли русской, матушки белокаменной Москвы. Когда же на эктении литургисавший взывал к Вседержителю о избавлении от нашествия иноплемennых, тогда слышались громкие рыдания, всех находившихся в церкви» [35, с.93–94].

Следует отметить, что поведение самих солдат и офицеров Великой армии прекрасно иллюстрировало антинаполеоновскую направленность проповедей приходского духовенства. Уже в начале Отечественной войны 1812 г. православные храмы и монастыри подверглись поруганию и разграблению со стороны врага. Мемуарные и эпистолярные источники, причем как отечественные, так и иностранные (например, записки С. А. Маслова, М. И. Маракуева, графа Ф. В. Ростопчина, переписка М. А. Волковой и В. И. Ланской, письма капитана Ф. И. Колобкова и иеромонаха Иллариона, воспоминания польского офицера Г. Брандта, капитана Э. Лабомы, ст.адъютанта королевских велитов итальянской гвардии су-лейтенанта Ц. Ложье), свидетельствуют о том, что французы превращали церкви в казармы, конюшни и скотобойни, забирали из них священную драгоценную утварь, с икон сдирали серебряные оклады, а их кололи на дрова, в качестве мишеней использовали лики святых [20, с.127, 141; 26, с.9, 35, 57, 61, 165, 167, 216, 293; 32, с.224, 240]. Естественно, этот вандализм и поругание националь-

ных святынь вызывали рост всеобщего негодования, которое особенно усилилось после взятия французами Москвы, и приводили к усилению антинаполеоновской церковной пропаганды.

Вместе с тем, отсутствие должной информации с театра военных действий влекло за собой появление всевозможных слухов, которые подчас, умышленно или нет, распространяло среди населения и приходское духовенство. В условиях, когда в основном через церковь шло формирование общественного мнения, и доводилась официальная информация до самых широких слоев населения, подобные факты могли привести к весьма серьезным негативным последствиям. Так, например, священник с.Новая Лопатка Петровского уезда Саратовской губернии Василий Иванов после обнародования Высочайшего манифеста от 6 июля 1812 г. о сборе ополчения публично утверждал, что манифест этот «издан не от Государя Императора, а по положению дворян, которые черный народ разоряют». Однако прихожане оставили его слова без внимания и разошлись. Когда этот случай стали известен уездному стряпчему, священник Иванов был задержан и препровожден в земский суд. На запрос суда о его поведении, Петровское духовное правление ответило, что Иванов «поведения непостоянного и находится под следствием в причинении прихожанам разных обид». После проведенного следствия дело было отправлено для вынесения решения епископу Пензенскому и Саратовскому Афанасию. Иванов был лишен священнического сана, записан в число казенных поселян и по решению Саратовской уголовной палаты от 17 октября 1812 г. сослан в Сибирь [33, с.268–270; 30, с.258–259]. Интересно, что несколькими месяцами позже, когда вспыхнули волнения ратников Пензенского ополчения, в качестве одной из причин возмущения было распространение среди них нелепых слухов, будто бы «ополчение собрано не по воле Государя, а по воле самих дворян и с тем, чтоб привести их перед французскую армию, продать безоружных Наполеону, а он, как пленных отошлет их воевать за него в другие немецкие земли, точно так же, как продали Москву» [35, с.97–98]. Начальник Мокшанской инвалидной команды Никифоров доносил в Канцелярию пензенского губернатора, что священник с.Маровки будто бы говорил, что «французы в наши границы идут весьма тихо, из крестьян никого не обижают, а за всё ими забираемое дают деньги. Грабят же одних только дворян». Однако сведения, сообщаемые Никифоровым, не подтвердились [12. Л.522об-523].

17 июля 1812 г. Святейший Синод представил Александру I доклад, который был им утвержден, получив силу высочайшего указа из Святейшего Синода от 25 июля 1812 г. [28. №25191] В докладе содержались следующие основные положения: 1) «из избыточной суммы, получаемой от свечной в церквах продажи», отдать «в пособие» к составлению ополчения в С.-Петербургской и Московской губерниях 1,5 млн. рублей; 2) призвать «епархиальных архиереев, монастырских настоятелей и прочее духовенство к пожертвованию или лично от себя или от архиерейских

домов и монастырей деньгами, серебряными и золотыми вещами, без всякого употребления лежащими»; 3) «объявить причетникам, детям священно- и церковнослужителей при отцах находящимся, а семинаристам не выше риторического класса, что ежели кто из них пожелает, защищая Отечество, идти в новое ополчение, на которое призываются все состояния, таковых увольнять беспрепятственно и для одежды их и продовольствия позволить церквам делать пособие из кошелевой суммы, остающейся за содержанием церквей», «а дабы действительно причетники охотнее и благосклоннее жертвовали собою в настоящих обстоятельствах к защите Отечества, то благочинные подтвердить обязаны священникам тех церквей, откуда поступят причетники в ратное ополчение, чтоб их доходы местные отдаваемы были женам их и детям во всякой целости и верности до самой их из службы возвращения» [13. Л.105-107об; 28. №25191; 23. с.77-78].

Пожертвования духовенства должны были сначала поступать в духовные консистории, а затем, после открытия губернского Комитета пожертвований для ополчения, по согласованию с губернатором доставляться туда. Епархиальный архиерей должен был рапортовать в Святейший Синод о собранных средствах и о лицах, пожелавших вступить в ополчение.

Комитет пожертвований начал свою работу в Пензе 2 сентября 1812 г. И духовенство Пензенской епархии приняло активное участие в сборе средств на ополчение. Уже 5 сентября священно- и церковнослужители благочиния нижнеломовского священника Льва Никитина пожертвовали на защиту Отечества 128 руб. 75 коп., священно- и церковнослужители благочиния священника с.Мичкас Нижнеломовского уезда Ивана Сергеева – 100 руб., благочиния священника с.Новой Нявки Нижнеломовского уезда – 75 руб. ассигнациями и 1 руб. серебром [14. Л.92].

7 октября 1812 г. в Комитет пожертвований для ополчения из Пензенской духовной консистории поступило 5215 руб. 33 коп., в т.ч. 101 руб. 95 коп. серебром. Епископ Пензенский и Саратовский Афанасий пожертвовал 1000 руб., саранский протоиерей Афанасий Черновский с градскими священно- и церковнослужителями – 420 руб., игуменя Пензенского Троицкого девичьего монастыря Александра с сестрами – 250 руб., и еще 40 руб. серебром, краснослободский протоиерей Фома Меликов с священно- и церковнослужителями – 170 руб., протоиерей Спасского кафедрального собора Ливанов с братиею – 150 руб., архимандрит Пензенского Спасо-Преображенского мужского монастыря Аарон – 50 руб., иеромонах Наровчатского Троицкого Сканова монастыря Карний – 20 руб. серебром. Среди благочинных различных благочиний наибольшие суммы внесли: благочинный священник г.Саранска Филипп Ципровский (445 руб.), благочинный с.Ковыля Краснослободского уезда Федор Васильев (370 руб. ассигнациями и 9 руб. 25 коп. серебром), благочинный с.Кирилловки Мокшанского уезда Савва Васильев (353 руб. 8 коп. ассигнациями и медью, а также 2 руб. серебром), благочинный с.Мачи Чембарского уезда Василий Леон-

тьев (270 руб. ассигнациями и 3 руб. 75 коп. серебром), благочинный с.Николаевки Пензенского уезда Кирилла Доремидонов (190 руб. 50 коп. ассигнациями и медью, а также 7 руб. серебром) [16. Л.10-12].

21 октября 1812 г. Пензенская духовная консистория направила в Комитет пожертвований еще 5185 руб. 61 коп., в т.ч. 272 руб. 35 коп. серебром. Пожертвования внесли священнослужители тех духовных правлений, которые располагались на территории Саратовской губернии. Так, в Саратовском духовном правлении было собрано 630 руб. ассигнациями, в Вольском – 850 руб. ассигнациями и 1 руб. 55 коп. серебром, в Кузнецком – 575 руб. ассигнациями и 38 руб. 10 коп. серебром, в Петровском – 505 руб. ассигнациями и 13 руб. 45 коп. серебром, в Аткарском – 100 руб. ассигнациями и 11 руб. серебром. Среди благочинных различных благочиний наибольшие суммы внесли: благочинный протоиерей г.Хвалынска Петр Воловской (525 руб. ассигнациями), благочинный протоиерей г.Царицына Петр Любарской (435 руб. ассигнациями и 43 руб. 60 коп. серебром), благочинный с.Славкино Петровского уезда Тихон Славин (435 руб. 70 коп. ассигнациями и медью, а также 11 руб. 70 коп. серебром), благочинный с.Гусиной Ланы Саратовского уезда Алексей Трофимов (175 руб. ассигнациями и 1 руб. 75 коп. серебром), благочинный Слободы Романовки Балашовского уезда Матвей Матровский (30 руб. ассигнациями и 81 руб. 50 коп. серебром) [16. Л.14-15об].

Наконец, 9 марта 1813 г. из Пензенской духовной консистории в Комитет пожертвований поступила еще одна значительная сумма денег: 2681 руб., в т.ч. 21 руб. золотом и 65 руб. 30 коп. серебром. Из Саранского духовного правления было направлено 370 руб. ассигнациями, 15 коп. медью и 35 коп. серебром. Среди благочинных различных благочиний наибольшие суммы внесли: благочинный г.Саранска Ефим Яблоновский (320 руб. ассигнациями и 2 руб. серебром), благочинный г.Саранска Иван Афанасьев (255 руб.), благочинный протоиерей г.Мокшана Петр Иванов (185 руб. ассигнациями, 2 руб. 70 коп. медью и 2 руб. 25 коп. серебром), благочинный священник г.Чембара Василий Трофимов (180 руб. ассигнациями и 4 руб. 85 коп. серебром), благочинный с.Пятины Инсарского уезда Иван Борисов (185 руб.), благочинный Слободы Трех Островов Балашовского уезда Молдавский (140 руб. ассигнациями и 30 руб. 20 коп. серебром), протоиерей г.Царицына Петр Любарский (16 руб. золотом), благочинный протоиерей г.Петровска Иван Семенов (5 руб. золотом) [16. Л.20об-22].

Основываясь на рапорте епископа Пензенского и Саратовского Афанасия в Святейший Синод, Л.В.Мельникова отмечает, что православное духовенство Пензенской епархии пожертвовало на создание народного ополчения в общей сложности 13097 руб. 99 коп. (12614 руб. 70 коп. ассигнациями, 456 руб. 90 коп. серебром, 21 руб. золотом, 5 руб. 39 коп. медью) [23, с.78-80]. По нашим подсчетам, пожертвования духовенства Пензенской епархии на ополчение составили 14125 руб. 69 коп. [16. Л.1-22об]

3 сентября 1812 г. пензенский губернатор князь Г.С.Голицын писал епископу Пензенскому и Саратовскому Афанасию о том, что начальник ополчения III округа генерал-лейтенант граф П.А.Толстой, «быв пред сим в Пензенской губернии для распоряжений по части составляемого здесь ополчения, отнесся к нему, что между всеми сословиями Российской империи, подвизающимися на защиту Веры и Отечества, разрешено от Святейшего Синода и сынам левитским участвовать в ополчении, и что вследствие того преосвященнейшие Нижегородский и Костромский, подавая великой пример усердия своего, благословляют на служение сие тех из семинаристов, которые желают вступить в ополчение и которые размещаются урядниками или унтер-офицерами, как в конные, так и в пешие полки ополчения. Уповая, что и Ваше Преосвященство так же изволите благословить на столь похвальный подвиг желающих вступить в здешнее ополчение из семинаристов и послушников, Его Сиятельство поручил мне разместить их в урядниках пензенских полков» [8. Л.218об-219]. 10 сентября епископ Пензенский и Саратовский Афанасий уведомил пензенского губернатора, что свое желание поступить в ополчение изъявили 2 послушника монастыря и 1 семинарист, «коим и благословение от его преосвященства дано» [8. Л.241об-242].

Вместе с тем, архивные источники свидетельствуют о том, что, за исключением единичных случаев, священно- и церковнослужители не изъявили особого желания принять участие в его формировании. Так, все без исключения рапорты благочинных Нижнеломовского духовного правления, обнаруженные в фонде Пензенской духовной консистории, содержат на этот счет единую формулировку: «а в ратное ополчение никто желание не объявил» [14. Л.92, 97об, 99]. Единственный случай массового вступления в ополчение священно- и церковнослужителей встречается на примере 4-го пехотного полка Пензенского резервного ополчения. Все 17 вольноопределившихся в этот полк являлись церковниками Саратовской губернии: 9 человек были дьячками, по 3 человека пономарями и церковными сторожами, двое – из числа неопределившихся церковников. Архивный документ не позволяет сделать вывод о добровольном или принудительном характере их поступления в ополчение. Известно лишь то, что они все прибыли в феврале 1813 г., когда пензенские ратники уже выступили в поход, и поэтому были зачислены в состав резервного ополчения [17. Л.280]. Среди воинов Пензенского ополчения, возвратившихся в губернию после заграничных походов, нами выявлено всего 6 выходцев из числа священно- и церковнослужителей. Это послушник Спасо-Преображенского монастыря, ратник артиллерийской команды Афанасий Герасимов, выходец из дьячков Саратовского уезда, квартирмейстер 1-го эскадрона Конного полка ополчения Хрисанф Жуков, выходец из дьячков с.Чертанлы Балашовского уезда, унтер-офицер 1-го эскадрона Конного полка Петр Залетов, вольноопределяющиеся из духовного

звания, полковой фельдшер 1-го эскадрона Конного полка Абрам Попов и вахмистр 3-го эскадрона Конного полка Иван Посников, а также вольноопределяющийся из пензенской семинарии, фанен-юнкер 3-го эскадрона Конного полка Пензенского ополчения Семен Врацкий [11. Л.126об, 129, 133, 140].

Нежелание представителей духовного звания служить в ополчении, необходимо связать с целым рядом причин. Во-первых, среди священно- и церковнослужителей существовало опасение, что их место в приходе могло быть занято другим претендентом. Обещание выплачивать церковникам, ушедшим в ополчение, или членам их семей доходов, полагавшихся от занимаемых ими должностей, также не возымело особого доверия. Многие опасались, что часть полагавшихся им средств, даже при сохранившемся месте, будет утаена остальными членами причта. Наконец, в памяти священно- и церковнослужителей еще свежи были воспоминания о военных разборах духовенства 1797, 1806–1808 и 1810 гг., а, следовательно, существовала и боязнь навсегда остаться в военной службе [19, с.61].

Большую роль православное духовенство сыграло в оказании помощи беженцам. 22 октября 1812 г. в Пензе было получено циркулярное предписание Главнокомандующего в С.-Петербурге С. К. Вязмитинова от 1 октября о людях, выходящих из мест, занятых неприятелем. Во всех губерниях, где находились беженцы, «для попечения об них», С. К. Вязмитинов предписывал создать Комиссии под надзором гражданских губернаторов, вице-губернаторов, губернских предводителей дворянства и губернских прокуроров, на которые возлагалась обязанность по их принятию и размещению. Посредством градских и земских полиций Комиссиям предлагалось поставить в известность всех прибывших из мест, занятых неприятелем, которые имели нужду, о возможности получения пособия от государства. Для этого каждой Комиссии предлагалось открыть кредит до 10 тыс. руб. в губернских казенных палатах. По согласованию с епархией предлагалось решить вопрос о размещении в монастырях беженцев, не имеющих пристанища, особенно «престарелых, немощных и малолетних», а в церквях – учредить особые кружки для добровольных пожертвований населения в пользу людей, «потерпевших разорение от неприятеля» [6. Л.145-145об; 15. Л.2-2об].

23 ноября пензенский губернатор князь Г. С. Голицын по поручению членов Комиссии попечения о беженцах писал епископу Пензенскому и Саратовскому Афанасию, чтобы он «приказал, кому следует», поставить особые кружки для добровольных пожертвований населения в пользу людей, «потерпевших разорение от неприятеля», «по городам в каждой церкви, а в селениях только тех, которые известны по своей торговле или другим заведениям; и высылку из тех кружек делать чрез месяц благочинным в городах при городских или полицмейстерах, а в уезде при старшинах сельских, и доставлять те деньги в уездные казначейства, о которых комиссия будет извещаемая от казначеев» [15. Л.24-24об].

24 января 1813 г. Афанасий уведомил пензенского губернатора о том, что в церквях, во всех городах и селах Пензенской губернии, особые кружки учреждены [15. Л.29-30], а 20 мая епископ Пензенский и Саратовский сообщил о том же Святейшему Правительствующему Синоду, отмечая, что «при всех соборах и церквях, кроме малоприходных и бесприходных, яко церквей таких, которые не имеют постоянных доходов, и где бы кружка была без всякой пользы», для добровольных пожертвований населения были учреждены особые кружки «с надписью: "В пользу потерпевших от неприятеля разорение"», по подобию С.-Петербургской епархии» [15. Л.65-66]. Также епископом Пензенским и Саратовским Афанасием настоятелям всех монастырей было предписано принять в призрение «некоторых из сих лишенных пристанища жителей, особенно престарелых, немощных и малолетних» [15. Л.29-30].

Известно, например, что беженцы поселились в Петровском Николаевском монастыре. 5 января 1813 г. иеромонах Илирий сообщал в Пензенскую духовную консисторию «касательно... до числа принятия бедных, потерпевших разорение в нынешнюю войну, то... монастырь по бедности в доходах более двух человек, кои уже имеются налицо с двумя малолетними детьми и живут на хуторе, более содержать не может» [15. Л.32-32об].

Что касается добровольных пожертвований населения в пользу «потерпевших от неприятеля разорение», которые вносились посредством кружечного сбора, то определить их сумму крайне сложно. Известно, что деньги в духовные правления от благочинных поступали, по крайней мере, до марта 1814 г. Так, 13 февраля 1814 г. протоиерей Нижнеломовского духовного правления Григорий Симилейский доносил в Пензенскую духовную консисторию, что в результате кружечного сбора в пользу «потерпевших от неприятеля разорение» на начало 1814 г. по благочинию Мичкаскому собрано 8 руб. 32 $\frac{3}{4}$ коп., а именно в с.Мичкасе 1 руб. 65 коп., в с.Скворешном 12 коп., в с.Кевда-Мельситово 2 руб. 62 коп., в с.Каменке 70 $\frac{1}{2}$ коп., в с.Ростовке 70 коп., в с.Блиновке 80 коп., в с.Есеневке 36 коп., в с.Лещиново 1 руб. 36 $\frac{1}{4}$ коп. [15. Л.132-133]

Таким образом, православное духовенство Пензенской епархии приняло активное участие в Отечественной войне 1812 г. Значителен его вклад в жертвования на ополчение и помощь, оказанная беженцам, заметна та роль, которую сыграла церковь в формировании общественного мнения и доведении до населения правительственной информации. Вместе с тем, без сомнения, нельзя идеализировать эту роль, рассматривая ее с различных позиций.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Власть и общество российской провинции в эпоху Отечественной войны 1812 года (по материалам Пензенской губернии)», проект №11-11-58004а/В.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев В. П. Война, общество и правительство // Отечественная война и ее причины и следствия. М., 1912. С. 150–164.
2. Амвросий. История российской иерархии. М., 1807. Ч. 1.
3. Амвросий. История российской иерархии. Киев, 1827. Т. 1. Ч. 1.
4. Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам, составлена по высочайшему повелению: В 3 т. Спб., 1859–1860.
5. Военский К. А. Русское духовенство и Отечественная война 1812 г. М., 1912.
6. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф.5. Оп.1. Д.399
7. ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.434.
8. ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.440.
9. ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.490.
10. ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.491.
11. ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.529.
12. ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.548.
13. ГАПО. Ф.182. Оп.1. Д.634.
14. ГАПО. Ф.182. Оп.1. Д.637.
15. ГАПО. Ф.182. Оп.1. Д.641.
16. ГАПО. Ф.196. Оп.1. Д.377.
17. ГАПО. Ф.196. Оп.1. Д.378.
18. Дворжанский А. И. История Пензенской епархии. Пенза, 1999. Кн. 1.
19. Кукушкина М. Духовенство Тверской епархии в Отечественной войне 1812 года // Тверская губерния в Отечественной войне 1812 года. Сб. мат-лов ист.-краевед. конф. Тверь, 2002. С. 58–63.
20. К чести России. Из частной переписки 1812 года. М.: Современник, 1988.
21. Летопись о событиях в г. Твери тверского купца Михаила Тюльпина. 1762–1823. Тверь, 1902.
22. Мельникова Л. В. Отечественная война 1812 года и русская православная церковь // Отечественная история. 2002. № 6. С. 27–38.
23. Мельникова Л. В. Русская православная церковь в Отечественной войне 1812 года. М.: Издание Сретенского монастыря, 2002.
24. Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны 1812 года, по высочайшему повелению сочиненное генерал-лейтенантом Михайловским-Данилевским: В 4 ч. Спб., 1839. Ч. 1–4.
25. Михайловский-Данилевский А. И. Отечественная война 1812 года: Воспоминания. М.: Захаров, 2004.
26. Наполеон в России глазами русских. М.: Захаров, 2004.
27. Никольский А. И. Лица «духовного чина» Московской епархии в их служении церкви и отечеству в 1812 г. М., 1912.
28. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. (ПСЗ). Спб., 1830. Т. XXXII.
29. Студитский И. М. Русское духовенство в Отечественную войну 1812 г. Кострома, 1912.
30. Тотфалушин В. П. «Беспорядки и замешательства» в Саратовской губернии в начале XIX в. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XVI Международной научной конференции (Бородино, 6–7 сентября 2010 г.). Можайск, 2011. С. 251–267.

31. Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. М.: Мысль, 1988.
32. Французы в России. 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев // Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1991. С.
33. Хованский Н. Ф. Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 г. Саратов, 1912.
34. Церкви, причты и приходы Пензенской епархии. Пенза: Тип-я Пенз. губ. правления, 1896.
35. Юматов П. И. Воспоминания ветерана 1813–1814 годов // Земство. 1996. № 1. С. 78–134.